

*Л.Л. Ивченко**

НАПОЛЕОН ГЛАЗАМИ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ АРМИИ

Празднование 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года в России ознаменовалось выходом в свет значительнейшего числа самых разнообразных изданий, обнаруживающих ностальгическое пристрастие к «наполеоновской легенде». Обильная публикация французских источников без научных комментариев привела к поразительным последствиям: на рубеже XX–XXI вв. многие российские граждане, в отличие от западных европейцев, стали смотреть на события той эпохи глазами ветеранов наполеоновской армии. Этому способствовали и труды специалистов, безмерно идеализирующие тех, кто шел «вперед, расправив плечи, под визг взбесившейся картечи»¹. Современный исследователь отмечает особенности сложного функционирования «наполеоновской легенды» в нашей стране: «...пиетет к Наполеону сохранялся при всех перипетиях национальной истории, открываясь в них разными сторонами»². При том, что вопрос об отношении офицеров русской армии к Наполеону до сих пор не привлекал внимания исследователей эпохи 1812 года, что объясняется, вероятно, с одной стороны, дефицитом научных работ, связанных с изучением исторической психологии, с другой – сильным влиянием художественной литературы позднего периода³. В первую очередь это, конечно же, относится к роману-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», превратившего «бонапартизм» в имя нарицательное. По замечанию исследователя, «на глазах последних свидетелей ушедшей эпохи Толстой сотворил всем реальностям реальность, которая превзошла собой все: не только многотомные сочинения историков и старческое брюзжание ветеранов, но и само былое. Творческий труд писателя вызвал к жизни и способствовал развитию реальности в превосходной степени – и эта реальнейшая реальность, способная по-

* *Лидия Леонидовна Ивченко, кандидат исторических наук, главный хранитель Музея-панорамы «Бородинская битва».*

¹ *Соколов О.В.* Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 592.

² Выступление А.В. Гордона в дискуссии «круглого стола» по теме «Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии». – ФЕ 2011. М., 2011. С. 373.

³ *Ивченко Л.Л.* Наполеон глазами русской армии // Эпоха Наполеоновских войн: Люди, события, идеи. Материалы VIII Всеросс. научн. конф. Москва, 21–22 апреля 2005. М., 2005. С. 113–129; *Она же.* Наполеон глазами офицеров русской армии // Она же. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2008. С. 451–463.

рождать реальные эмоции и заставляющая читателей сопереживать судьбам вымышленных героев, превратилась в эталон исторической памяти о великой эпохе 1812 года»⁴. Но великое произведение «великого Льва» создавалось в иную эпоху, насыщенную «деэстетизацией» всего военного, поэтому взгляды писателя на войну сложно соотнести с настроениями большинства русских офицеров в пору Наполеоновских войн. Если тщательно продуманная и умело оформленная «наполеоновская легенда»⁵ нашла среди российских исследователей своих защитников от толстовской «реальности», то российские офицеры эпохи 1812 года так и остались в этой «реальности» в статусе «брюзжащих ветеранов», отчасти способствуя укреплению «наполеоновской легенды», на что сами они, похоже, не рассчитывали.

Так, участник походов 1812–1814 гг. И.Т. Раджицкий в те далекие «времена славы и восторга» рассуждал: «Ни Россиянин, ни Германец еще не могут воздать должной справедливости воинственному гению Наполеона, потому что зацеленные [исцеленные. – Л.И.] недавно раны еще напоминают о страданиях. Самим Французам нельзя верить; они увлекаются пристрастием также как и русские [...]. Между тем пусть, в счастливый час, являются Записки участников. Каждый из нас смотрел на происшествие своими глазами, и мог заметить то, что другой упустил из вида. [...] Не подробности ли частной жизни людей всякого звания объясняют характер, образ мыслей, степень просвещения и нравственности целого народа? не они ли открывают черты, драгоценные для Истории?»⁶

В современной отечественной историографии русские офицеры нередко предстают «лжепатриотами», ослепленными, по удачному выражению британского исследователя Доменика Ливена, «агрессивным самовосхвалением»⁷. Но таким ли уж однозначным было это отношение к «возмутителю всеобщего спокойствия» в их коллективном сознании, которое «и в научном арсенале, и в обиходном словоупотреблении в последнее время обозначают понятием ментальности»⁸.

Отрешившись от толстовского эталона восприятия личности Наполеона, обратимся к письмам, дневникам, мемуарам той поры, убеждающим

⁴ Экинут С.А. Страсти по мыльному пузырю // Родина. 2002. № 8. С. 129.

⁵ Промыслов Н.В. Война против пространства и климата: французские воспоминания о кампании 1812 г. // ФЕ 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 411–412.

⁶ Раджицкий И.Т. Походные записки артиллериста. 1812 год. Война в России. М., 1835. Ч. 1. С. II–III.

⁷ Земцов В.Н. «Образ врага» в русской историографии... // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды Гос. ист. музея. М., 2002. Вып. 132. С. 257.

⁸ Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 20.

нас в том, что «образованному обществу России начала XIX века было свойственно романтическое восприятие политики и «человека войны». Он мыслился победителем, а война осознавалась как открытая ситуация для реализации потенций героя.

Это представление соответствовало общему культурно-психологическому духу эпохи классицизма. Европейские войны прочитывались российскими зрителями в категориях античного противоборства. Идеализации войны в российском обществе немало способствовали военные успехи русской армии, добытые под руководством Суворова. Ими гордились, и казалось, что сражения – совершенно естественное средство защиты внешнеполитических интересов государства»⁹.

«Вечное всегда носит одежду времени», – справедливо заметил Ю.М. Лотман¹⁰. По словам Е.А. Анисимова, в обществе «говорилось не просто о политике Пруссии, Франции или Австрии, а о политике конкретных людей: Фридриха II, Людовика XV или Марии Терезии. С годами складывалось определенное отношение к их личностям, и политика властителя идентифицировалась с политикой государства. В глазах Елизаветы это придавало внешней политике элемент игры, интриги, увлекательного заочного соперничества или дружбы»¹¹.

Заметим, что привычка отождествлять государство с личностью существовала не только на протяжении всего XVIII столетия: она не изжила себя и в эпоху Наполеоновских войн, так как русские военные отлично знали, кто не позволял им скучать: «...Наполеон в той исторической шляпе, в том историческом сером сюртуке, от коих земля дрожала, и которые, казалось, курились еще дымом сражений»¹², – поэтично написал Д.В. Давыдов. Историк А.И. Михайловский-Данилевский, прошедший путь от Бородина до Парижа, вспоминал о тех незабываемых днях более сдержанно: «Кто не жил во времена Наполеона, тот не может вообразить себе степени его нравственного могущества, действовавшего на умы современников. Имя его было известно каждому и заключало в себе какое-то безотчетное понятие о силе без всяких границ». «В гвардии и армии офицеры и солдаты были тогда проникнуты каким-то необыкновенным воинским духом, и все с нетерпением ждали войны,

⁹ Вишленкова Е.А. Война и мир в контексте внешней политики России начала XIX века // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Матер. Всерос. научн. конф. Саратов, 2002. С. 101.

¹⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). СПб., 1994. С. 7.

¹¹ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века // В борьбе за власть: страницы политической истории России XVIII века. М., 1988. С. 248.

¹² Давыдов Д.В. Сочинения. СПб., 1895. Т. 3. С. 129.

которая при тогдашних обстоятельствах могла каждый день вспыхнуть. С самого восшествия на престол Императора Александра Павловича *политический горизонт был покрыт тучами*, по обыкновенному газетному выражению. Тогда во всех петербургских обществах толковали о политике, и даже мы, мелкие корнеты, рассуждали о делах! Это было в духе времени»¹³, – вспоминал современник о главных приметах той поры, когда «репутация пацифиста» (Д. Чандлер) была явно не в моде. «Война решена. Тем лучше. Мы окунемся в родную стихию. Давно уже каждый из нас сгорает от нетерпения проявить себя на поле чести. Наши юные головы заняты мыслями только о битвах, о схватках с врагом, о славных подвигах. Мы с удовольствием променяем миртовый венок на лавровый», – записал в Дневнике в самом начале грозных событий 1812 года прапорщик квартирмейстерской части Н.Д. Дурново¹⁴. Русские офицеры, в большинстве своем происходившие из семей служилого дворянства, чьи деды-прадеды нажили себе имения военной службой, не представляли для себя иной судьбы. Так, артиллерист Г.П. Мешетич рассуждал о неотвратимости войн даже с некоторой долей оптимизма: «В пространстве времен история показывает обыточность многих уже войн между народами; мир основан на коловратности и непостоянстве в образе жизни людей, и щастие смертных часто подлежит изменению, ибо оно им и не назначено на земле в совершенстве; без того бы шла непрерывная цепь благоденствия и спокойствия народов. Нет сомнения, что идут впереди многие еще войны!»¹⁵ Заметим, что в этом случае не существует противоречий между синхронными и диахронными источниками. Тогда многие были провиденциалистами, верили в предопределенность бытия, где войне отводилось примерно такое же место, как природным стихиям или моровой язве.

Можно привести и другой пример сравнения мемуарного источника с документом «во времени», убеждающий, что офицерский корпус был не слишком падким на антинаполеоновскую правительственную пропаганду, объявлявшую императора Франции Антихристом. И.Т. Раджицкий вспоминал: «Мы жили в Несвиже довольно весело и не думали о французах; немногие из наших офицеров, между службою, занимались политикою. По газетам доходили и до нас кой-какие новости, но мы в шуме своей беззаботливости скоро о них забывали. Один только Н., как человек грамотный, занимавшийся чтением Священного Писания и Мо-

¹³ Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2004. С. 184.

¹⁴ Дурново Н.Д. Дневник 1812 года // 1812 год... Военные дневники. М., 1991. С. 75.

¹⁵ Мешетич Г.П. Исторические записки... // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 41.

сковских Ведомостей, более всех ужасался Наполеона. Терзаемый призраками своего воображения, он стал проповедовать нам, что этот Антихрист, сиречь Аполлион или Наполеон, собрал великие, нечистые силы около Варшавы не для чего иного, как имен для того, чтобы разгромить матушку-Россию. <...> Мы смеялись таким нелепостям в досаду N., который назвал нас безбожниками <...>. Может быть, ни один N. наш находился тогда в подобном помрачении ума»¹⁶. В отношении некоего N. Радужицкий счел нужным заметить, что тот был «нестроевым офицером». Мемуарист явно не подозревал о письме Военного министра М. Б. Барклая де Толли от 26 июля 1812 года. «Господину Главнокомандующему 2-ю Западною армиею генералу от инфантерии и кавалерии князю Багратиону. Дошедшее ко мне от профессора Дерптского университета коллежского советника Гецеля письмо с изъяснением двух мест из Апокалипсиса имею честь препроводить в копии к Вашему сиятельству для такого употребления, какое обер-полевой священник армии, Вам вверенной, руководствуясь внушением религии и благоразумием своим, признает приличным». Профессор Гецель предлагал: «Ежели бы можно было вселить в Императорское Российское воинство то уверение, что оно Провидением избрано к прекращению в нынешнем 1812 году тех бедствий, кои Наполеон навлек на всю Европу, то сие усугубило бы бодрость духа и облегчило бы одержание победы. Таковое уверение может произведено быть в действо чрез прилагаемое при сем каббалистическое изъяснение двух мест Апокалипсиса Св. Апостола Иоанна, т.е. Гл. 13-й, ст. 18-го и 5-го, если полковые священники разумно разъяснят его». Предприимчивый профессор предлагал сопоставить «французские буквы» с «еврейским число-изображением, по которому десятью первых букв означаются единицы, а прочими – десятки», из чего выходило, что «Наполеон есть тот зверь, который в Апокалипсисе числом 666 означается и коего веку славы предел положен числом 42-х, ибо в нынешнем году число лет его от роду есть точно 42»¹⁷. Можно догадаться о причинах, заставивших Главнокомандующего 2-й армией отказаться от апробирования на своих подчиненных результатов открытия дерптского профессора, что подтверждается надписью на документе: «Оставлено к <князем > Багратионом без всякого употребления»¹⁸. Кто-кто, военные в России точно знали, что Наполеон не является «саламандром двурогатым», как описывал его в своем стихотворении Г.Р. Державин.

¹⁶ Радужицкий И.Т. Указ. соч. С.47-48.

¹⁷ 1812-1814. Секретная переписка князя П.И.Багратиона. М., 1992. С. 173-175.

¹⁸ Там же. С. 173.

Честолюбие и воинственный дух французского Императора, осужденные в романе «Война и мир», вообще-то были традиционными для военных начала XIX столетия, не отличавшихся излишней филантропией. Но что ждать от поколений, которые в самом «нежном возрасте» получали в руки издание под названием «Начальное руководство к наставлению юношества, или Первые понятия о вещах всякого рода» (СПб., 1793), где авторы считали необходимым сообщить в числе «первых понятий» сведения о «сражении на сухом пути»: «Когда две только малые партии сражаются, то сие называется сшибкою; что часто случается с отводными постами, когда идут они для открытия неприятеля или в походе, или когда провожают обозы и проч. Сражение бывает между двумя целыми армиями, которые располагаются и занимают великое место так, чтоб разные корпуса обеих сторон могли стрелять одни на других в одно и то же время; что бывает или с намерением обеих партий, когда одна армия пересекает путь другой, так что сия принуждена бывает или наступать или защищаться. Порядок сражения состоит обыкновенно в расположении армии таким образом, чтоб она имела два крыла, правое и левое, а между ними среднее войско, и наконец позади резервной корпус. В сем корпусе обыкновенно находится фельдмаршал, от которого генералы получают повеления и сообщают оные другим, или чрез преждеположенные некоторые знаки, или чрез адъютантов, разъезжающих на лошадях. Повеления войскам даются или громким голосом офицеров, либо звуком труб, барабанов и пушек, или движением штандартов и знамен. Атака с фланга всегда бывает опасна для войска, потому что оно, не имея фрунта, с этой стороны не может противостоять. Но когда малочисленное войско хочет защищаться несколько времени со всех сторон, то делает баталион каре, представляющий фронт со всех сторон. Иногда усталость, ночь, дурная погода разлучают сражающиеся армии; иногда слабейшая сторона принуждена бывает уступить и оставить место сражения победителю; либо порядочно отступая и непрерывно защищаясь, или обращаясь совершенно в бегство, во время коего победители преследуют побежденных, их бьют, и сколь можно более берут в полон. Потом, когда войска придут на сборное место, то мертвых хоронят, а раненым перевязывают раны. Победитель обирает всех оставшихся на месте сражения до нага, и добыча разделяется между воинами. Место сражения есть печальное зрелище, представляющее со всех сторон бесчисленное множество лежащих на земле трупов, подобно лежащим деревьям порубленного леса, умирающих, борющихся со смертью и влекущих израненное тело свое, прося помощи и наполняя воздух воплем и стенаниями»

ми; там видны <...> отрубленные головы, обезображенные и изрубленные лица, валяющиеся руки и ноги, набросанные беспорядочные кучи лошадей и людей. Иной мертвый, украшенный кавалериею [орденской лентой. – *Л.И.*], лежит между великим множеством не имеющих оной; там ряды трупов одни подле других, здесь груды мертвых тел, земля покрыта пеною и кровью, везде образ смерти, отчаяния и пагубы».

Неудивительно, что уже упомянутый нами Денис Давыдов, стихи которого, по словам Ф.В. Булгарина, знали наизусть во всех полках русской легкой кавалерии, восклицал без всякого стеснения: «Я люблю кровавый бой: я рожден для службы царской!» Или вот еще: «В ужасах войны кровавой я опасности искал, я горел бессмертной славой, разрушением дышал...» Известный генерал Я.П. Кульнев, слывший добрейшим человеком, мужественно встретивший смерть в 1812 году, любил приговаривать: «Россия матушка тем и хороша, что в каком-нибудь ее конце обязательно да воюют»¹⁹. Князь Петр Иванович Багратион, «лев русской армии», с удовольствием рассуждал за чаепитием: «Я люблю страстно драться с французами: молодцы! Даром не уступят – а побьешь их, так есть чему и порадоваться»²⁰. А.П. Ермолов приводит в своих Записках эпизод, относящийся к кампании 1807 года, рисующий нравы военных той поры: «Нельзя было в короткое время разрушить мост, и потому опасно было, чтобы неприятель, пользуясь темнотою ночи, не овладел им. С позволения начальника послал я команду и приказал ей зажечь два квартала, принадлежащие к мосту, дабы осветить приближение неприятеля <...>. Мне грозили наказанием за произведенный пожар, в главной квартире много о том рассуждали и находили меру жестокою. Я разумел, что после хорошего обеда, на досуге, особливо в 20-ти верстах от опасности нетрудно щеголять великодушием»²¹. Ему же принадлежит высказывание, которое можно признать программным для военных людей тех лет: «Мне 24 года; исполнен усердия и доброй воли; здоровье всему противостоящее! Недостает войны»²². Остается снова повторить за историком: «Мы можем сделать прошлому выговор, возмутиться им, но никак не можем сделать одного: отменить то, что было»²³.

Неудивительно, что военные одной эпохи напоминали друг друга как дети одной матери. Наполеон Бонапарт и Алексей Петрович Ермолов

¹⁹ Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 320.

²⁰ Булгарин Ф.В. Указ. соч. С. 166–167.

²¹ Ермолов А.П. Записки. М., 1991. С. 69–70.

²² Там же. С. 32.

²³ Эйдельман Н.Я. Записки Л.Л. Бенningсена // Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 314.

были почти одногодками, родившимися в разных концах Европы: бедный артиллерийский офицер во Франции стяжал императорскую корону, а небогатый артиллерийский офицер в России стал «проконсулом Кавказа». Оба, в конце концов, потерпели крушение честолюбивых замыслов, оба страдали, «измученные казнию покоя» (А.С. Пушкин).

На это можно возразить: за сходство с Наполеоном Л.Н. Толстой и недолголюбил Ермолова. Да, действительно, писатель противопоставляет в романе честолюбивому А.П. Ермолову «тихих и скромных» генералов П.П. Коновницына и Д.С. Дохтурова. Но представляется, что писатель проглядел в их историко-психологических портретах нечто существенное. Любимец солдат П.П. Коновницын, который «не мог видеть боя, чтобы не броситься в самый жаркий огонь», сообщает своей супруге о предстоящем сражении с жизнеутверждающей веселостью, так не вяжущейся с книжным образом: «...А Лизе [дочери. – Л.И.] вензель [фрейлинский шифр. – Л.И.] выслужу, как ты хочешь, для ее, право, пойду в Данциге на батарею, ты не шути, право, для счастья моего семейства напракажу...»²⁴ Вряд ли автор «Войны и мира» знал о заботах, одолевавших «маленького, скромного» Д.С. Дохтурова в течение всей кампании 1812 года: когда, наконец, он будет представлен начальством к ордену Святого Георгия 2-го класса?²⁵ Следуя за Толстым, мы можем осудить Коновницына за то, что он жертвовал жизнью подчиненных «по семейным обстоятельствам», а Дохтурова – за то, что в годину лишений и бедствий его волновал вопрос о наградах. Но наши претензии к людям из другой эпохи – не историчны. И Ермолов, и Коновницын, и Дохтуров не хуже и не лучше, чем в «реальности» Толстого: они – другие. Следовательно, и Наполеон в их глазах – другой, и отношение к нему – другое...

Традицию признавать воинские способности своего противника заложил еще А.В. Суворов, с восторгом наблюдавший за первыми шагами великого полководца: «О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он гигант, он колдун! Он побеждает и природу, и людей [...]. Казалось, что неприятель тогда только замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер свою молнию, сея повсюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальничества, как уж он разрубил Гордиев узел тактики. [...] У него военный совет в голове. [...] В действиях свободен он, как воздух, которым дышит. [...] Пока генерал Бонапарт будет сохранять

²⁴ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным М., 1904. Ч. 8. С. 122.

²⁵ Письма Д.С. Дохтурова к жене // Русский архив. 1874. Кн. I. Ст. 1099.

присутствие духа, он будет победителем; великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, несчастье свое, броситься он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет»²⁶.

Заметим, что Суворов же заложил в русской армии традицию предпочтения Бонапарта союзникам-австрийцам, чреватую опасными последствиями в коалиционных войнах. Под «политическим вихрем» Суворов, конечно же, не подразумевал императорскую корону, но, предугадывая вероятный поворот судьбы волевой и целеустремленной личности, «Российский Марс» судил о своем возможном сопернике в правильном для своего поколения направлении. «Обломки екатерининского царствования», видевшие могущественных фаворитов Императрицы, помнили, что ни один из них не протянул руку к ее короне, избрав своей добродетелью повиновение. Память о личностях, которые в сознании старшего поколения русских военных были сопоставимы с Наполеоном, служила великим подспорьем в борьбе не на жизнь, а на смерть, где у сподвижников Наполеона, называвших себя «родоначальниками собственной славы», не имелось подобной моральной опоры, о чем забывают западные исследователи, пытаясь найти причины измены маршалов Наполеона в 1814 году²⁷.

Психологический феномен, о котором позже свидетельствовал мемуарист, может быть отнесен не только к упомянутой им женщине: «О деятелях великого екатерининского времени она говорила как о людях, с которыми встречалась вчера. Бывало, зайдет в то время речь о видных и модных тогда молодых людях <...> Софья Алексеевна молча слушает, потом вдруг крикнет своим басом: «Нет, уж не говорите, против «нашего Светлейшего» все они дрянь!» Ей отвечают, что князь Потемкин давно умер, а она смотрит недоверчиво, точно не веря, что такой человек как он мог умереть! Во времена силы и славы Потемкина она была ему представлена на каком-то празднестве в Москве, и он произвел на нее неизгладимое впечатление на всю ее жизнь»²⁸. Это яркий отголосок эпохи, о которой так выразительно отзывался Н.М. Карамзин в «Записке о новой и древней России»: «Воинствуя, мы разили!»

Даже один из братьев-декабристов М.И. Муравьев-Апостол, не принимая настоящего, с почтением обращался к «екатерининскому» прошлому: «Батюшка нам говорил, что мы никогда не пойдем громадного переворота, совершившегося у нас в России со вступлением Павла I на

²⁶ Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 312.

²⁷ Innocenti C. Souls Not Wanting: The Marshalate's Betrayal of Napoleon // Napoleonic Scholarship. The Journal of the International Napoleonic Society. 2010. № 3. P. 49–65.

²⁸ Воспоминания графа В.А. Соллогуба. СПб., 1993. С. 98.

престол. Наши начальствующие генералы 1812 г. принадлежали царствованию Екатерины II; обхождением и познаниями они резко отличались от александровских генералов»²⁹. У «екатерининского орла» М.И. Кутузова и у «орлят» помоложе, таких как кн. П.И. Багратион, М.А. Милорадович, Н.Н. Раевский и других, находившихся на командных должностях в 1812 году, не было ни страха, ни чрезмерного преклонения перед гением Наполеона. Герои «времен Очакова и покоренья Крыма» чувствовали себя его соперниками. «Как ему не узнать меня, – говорил своему окружению про императора Франции Кутузов. – Я старше его по службе...» К. Клаузевиц, совершивший военную кампанию 1812 года в рядах русских войск, не мог забыть потрясения от встречи с Кутузовым накануне Бородинского сражения: «С неслыханной смелостью смотрел он на себя как на победителя, возвещая повсюду близкую гибель неприятельской армии <...>»³⁰

Здесь же уместно обратить внимание на то, как князь П.И. Багратион, проанализировав порядок явлений, по мере кажущегося ему сходства установил аналогии: «О, Боже! Если бы дали волю, этого чорта *Пинетти* с нашею армиею в пух бы разбил и написал бы вам: Господи, силою Твоею да возвеселится царь»³¹. Как известно, в 1800 году по приглашению императора Павла I в Россию прибыл знаменитый фокусник-иллюзионист, успевший покорить своим искусством королевские дворы Берлина и Стокгольма. Вышеупомянутый Пинетти, с которым Багратион сравнил Наполеона, во время выступления при дворе Павла I силой магнетизма сумел одновременно передвинуть стрелки всех бывших во дворце часов на пятнадцать минут назад, а через мгновение возвратил их в прежнее положение. Судя по всему, князь Багратион находился в числе изумленных зрителей. Потом, по словам современников, Пинетти умчался из России, разом проскочив через пятнадцать застав и распившись единовременно в книгах станционных зрителей... Судьбу Наполеона князь Багратион воспринимал, по-видимому, тоже как некий грандиозный фокус, будучи твердо убежден, что фокусы не могут продолжаться вечно. И как человек, в молодые годы служивший при штабе Потемкина, он, безусловно, оказался прав.

Другой участник войны 1812 года, служивший в «век Екатерины», А.М. Тургенев сравнивал жизненный путь Наполеона с карьерой гене-

²⁹ Воспоминания и письма М.И. Муравьева-Апостола // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 167-168.

³⁰ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1991. С. 64.

³¹ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) СПб., 1882. С. 74–75.

рала Ф.П. Уварова, возвысившегося при Павле I благодаря тому, что состоял в связи с мачехой графини А.П. Гагариной, фаворитки российского императора: «Знаменитый Федор Петрович Уваров, поступив из реформированного Кинбурнского драгунского в Екатеринославский кирасирский полк, у меня учился и командным словам, и маршировке в пешем строю, и приемам ружья в экзерциции, а Федор Петрович у нас чуть-чуть не попал в Буонапарты!»³²

Маршалы Наполеона, которые не могли похвастаться высоким происхождением, могли вслед за своим повелителем повторить: «Я – нов, как нова империя», но среди высших офицеров «старорежимных армий» мало кто впадал в такое «беспамятство». Старшее поколение русских военных сурово осуждало Наполеона за «преступное самовластье». Для них Наполеон навсегда остался «генералом Буонапарте»: как выразился однажды М.И. Кутузов, «*Буонапарте, позволяющий себе все на свете* [выделено нами. – Л.И.]»³³.

Императорский титул, мечта об империи Карла Великого в сочетании с античным антуражем настораживала и даже смешила тех, кому был чужд революционный пафос Первой империи. Когда при открытии Законодательного собрания Наполеон заявил: «В ближайшее время я уезжаю к своей армии, дабы с Божьей помощью короновать в Мадриде короля Испании и водрузить мои орлы на фортах Лиссабона», – старый аристократ Жозеф де Местр, представлявший интересы короля Сардинии при русском дворе, где он сразу же обрел единомышленников, с иронией отозвался на это выступление: «Вы, конечно, читали знаменитую речь 25 октября. <...> Какая напыщенность! Кажется, что слушаешь актера в роли Императора: никогда еще не приходилось читать ничего менее похожего на слова Монарха. Я постоянно имею честь повторять вам: *при всем его могуществе человек сей ничего не смыслит в монархизме*»³⁴.

Кстати о монархизме. Исследователи проходят мимо показательного сравнения, которое возникало у российских военных. «Между сими двумя персонажами много сходного, – писал про прусского короля Фридриха Великого и Наполеона Ж. де Местр. – Если отнять у одной стороны (или прибавить к другой) тот королевский ореол, который в большей или меньшей степени окружает истинного монарха, равенство их будет полным. Такие характеры совершают чудеса, когда дует

³² Записки Александра Михайловича Тургенева 1796–1801 // Русская старина. 1885. Кн. 4. С. 269.

³³ Кутузов М.И. Документы. М., 1950–956. Т. 2. С. 305–306.

³⁴ Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803–1817. СПб., 1995. С. 112.

на них попутный ветер, но подвержены величайшим и непоправимым ошибкам»³⁵.

В.И. Левенштерн, например, был разочарован внешностью «покорителя Европы»: «Я увидел, наконец, этого замечательного человека и признаюсь, он не произвел на меня ожидаемого впечатления. Его лицо было мне знакомо по портретам; но я нашел, что он был полнее, нежели его обыкновенно изображали. Его походка была неграциозна, он держал себя слишком просто, в его поступи было мало достоинства. Он находился постоянно в движении, не мог ни минуты просто-стоять на месте, но говорил очень мало; часто нюхал табак и, как будто сторяя от нетерпения, то закладывал руки за спину, то скрещивал их на груди. Не знаю, подражал ли он Фридриху Великому или просто был нетерпелив, но я видел, что он брал табак из кармана, не трудясь достать для этого табакерку»³⁶. Симпатии и социальными пристрастиями В.И. Левенштерна явно остались в «екатерининском» времени: «Я имел случай наблюдать каждый день, как голубые ленты умеют сгибаться и, в случае надобности, стусевываются. Но я замечал, что, делая эти раболепные поклоны, люди не утрачивали хорошего тона и манер настоящих вельмож; при Дворе еще существовали манеры и тон века Людовика XIV...»³⁷

Мнение Кутузова о трагическом для неприятеля исходе кампании 1812 года почти полностью совпадает с вышеприведенным высказыванием Ж. де Местра. «Сегодня я много думал о Бонапарте, – сообщил М.И. Кутузов в письме к домочадцам, – и вот что мне показалось. Если вдуматься и обсудить поведение Бонапарта, то станет очевидным, что он никогда не умел или никогда не думал, чтобы покорить судьбу»³⁸. Во времена Екатерины II «покорителем судьбы» считался Фридрих II, бывший «Бранденбургский курфюрст», «скоропостижно» ставший королем Пруссии. Кутузов вновь возвращается мыслями к старым временам в беседе с пленным полковником М.Л. Пюибюском: «Вашим сенаторам для народного блага следует явно противиться Наполеону. Он явный враг его, он сумасшедший: доказательство тому – вся эта кампания! <...> Война, предпринятая им против государства столь обширного, как Россия, есть такая глупость, на которую ни ваши старые генералы, ни Сенат, ни советники не должны были соглашаться»³⁹.

³⁵ Там же. С. 238–239.

³⁶ *Левенштерн В.И.* Записки // Русская старина. 1909. Кн. 3. С. 508–509.

³⁷ Там же. С. 272.

³⁸ Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С. 248.

³⁹ Там же. С. 432.

Вопрос о происхождении власти Наполеона был для старшего поколения русских офицеров вопросом даже не политики, а нравственности. То, что произошло «Бранденбургскому курфюрсту», было неизвинительным для «безвестного корсиканца». Узнав из перехваченной эстафеты о заговоре генерала Мале в Париже, М.И. Кутузов поделился с окружающими своим мнением: «Я думаю, собачьему сыну эта весточка не по нутру будет, вот что значит не законная, а захваченная власть»⁴⁰.

Но на поле боя, в генеральных сражениях Наполеон как полководец был для них по-прежнему на высоте: «Мы имеем дело с Наполеоном! А таких воинов, как он, нельзя остановить без ужасной потери»⁴¹, – разгневался Кутузов, узнав, что его зять Н.Д. Кудашев решил преградить Наполеону дорогу к отступлению. Когда французский император назвал Кутузова «старым лисом», то фельдмаршал отозвался на эту похвалу: «Постараюсь оправдать мнение великого полководца».

Но особенно гордился похвалой Наполеона менее удачливый соперник Кутузова генерал Л.Л. Беннигсен, без конца вспоминая об их встрече в Тильзите в 1807 году. «Там Наполеон, сказав каждому из них по приветствию, говорил более, чем с другими с Беннигсеном, – вспоминал Д.В. Давыдов. – Между прочим он сказал ему: “Вы были злы под Эйлау” [...], выражая сим изречением упорство и ярость, с каким дрались войска наши в этом сражении, и заключил разговор с ним этими словами: «Я всегда любовался вашим дарованием, еще более вашей осторожностью» [...]. Самолюбие старца-воина приняло эту полуэпиграмму за полный мадригал: ибо во мнении великих полководцев осторожность почитается последнею военной добродетелью, предприимчивость и отважность первою. Беннигсен рассказывал мне это несколько раз и каждый раз с новым удовольствием»⁴². Судя по всему, способности оценивать «комплименты» Наполеона в равной степени были лишены как Л.Л. Беннигсен, так почитавший его Д.В. Давыдов, потому что знаменитый военный теоретик А. Жомини впоследствии заметил: «Беннигсен чуть было не потерял русскую армию, разместив ее в 1807 году в Кенигсберге, из-за того, что город был удобен для снабжения»⁴³.

В рассказе Д.В. Давыдова представлены не только военно-теоретические пристрастия «старосветского генерала» Беннигсена, но и самого «певца-героя», не получившего военного образования, не читая курса лекций полковника, некогда служившего в штабе А. Бертье, маршала Наполеона. По

⁴⁰ Жиркевич И.С. Записки // Русская старина. 1874. № 8. С. 422.

⁴¹ Фельдмаршал Кутузов. С. 424–425.

⁴² Тильзит в 1807 году // Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. СПб., 1895. Т. 1. С. 309.

⁴³ Жомини А. Стратегия и тактика в военном искусстве. М., 2009. С. 95, 157.

словам же знаменитого немецкого историка Г. Дельбрюка, весь XVIII век в Европе был наполнен столкновением двух концепций ведения войн: «стратегии сокрушения» и «стратегии измора»⁴⁴. Ставку на «стратегию измора» сделал в 1812 г. Кутузов: «В последний вечер он сидел у Логина Ивановича [Голенищева-Кутузова] недолго, но был очень весел, и когда пошли провожать его в переднюю, последние слова, сказанные им смеючись [...] были: «Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона»⁴⁵.

Конечно, Кутузову трудно было добиться признания у не слишком начитанной военной молодежи, восхищенной быстрыми победами Наполеона. Фельдмаршал же явно предпочитал стратегии Наполеона военную систему Морица Саксонского с его знаменитым «Словом против генерального сражения». «Я не сторонник генеральных сражений, особенно в начале войны. И убежден, что умелый полководец может воевать без них всю жизнь. [...] Природа бесконечно сильнее человека, почему же этим не воспользоваться»⁴⁶. Вместе с тем резюме своих размышлений по этому поводу «первого солдата всех времен» Кутузов изложил Ермолову: «Голубчик! Если бы кто два или три года назад сказал мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я, право, плюнул бы тому в рожу!»⁴⁷

Двоюродный брат Ермолова «язвительный и желчный» генерал Н.Н. Раевский (тоже весьма нелюбимый Л.Н. Толстым) так оценил силы противоборствующих сторон в начале Отечественной войны 1812 г.: «Он [неприятель. – Л.И.] должно быть нас несколько сильней, но гораздо искусней, мы его сто раз храбрее, но гораздо глупей... Превосходство Гения и Славы Наполеона и ничтожество Барклая зделало его [Барклая. – Л.И.] совершенно робким в действиях»⁴⁸. Впрочем, последующие события военной кампании породили в нашем генерале новые разочарования, к которым он вообще был склонен по своей природе: «Великий Наполеон, став весьма маленьким, бежит менее чем со ста тысячами человек <...>. Наш дорогой человек спустился с ходуль – вот они, великие люди. Они мельчают при ближайшем рассмотрении»⁴⁹.

Участник «русского похода», бывший роялист граф де Боволье, которого Наполеон для своей безопасности считал необходимым всегда

⁴⁴ Дельбрюк Г. Всеобщая история военного искусства. М., 2008.

⁴⁵ Фельдмаршал Кутузов. С. 329.

⁴⁶ Саксонский М. Теория военного искусства. М., 2009. С. 140.

⁴⁷ Ермолов А.П. Указ соч. С. 258.

⁴⁸ 1812–1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. М., 1992. С. 216.

⁴⁹ Там же. С. 241.

иметь перед глазами, все же ускользнул из-под надзора своего повелителя, попав в плен при Тарутине, благодаря чему состоялся его разговор с М.И. Кутузовым. «Ваш Наполеон – чистый разбойник, – сообщил ему Главнокомандующий Российских войск. – Я отправил к нему 40 французов, взятых в плен на аванпостах, – он отказался принять их! Мне-то что же с ними делать? Его поведение ужасно. Он нисколько не заботится о нации, которой всем обязан»⁵⁰. Вместе с тем граф Боволье определил лояльное отношение Кутузова к Наполеону в следующих словах: «Он его не ненавидел». Действительно, мысль о банальном убийстве «бича человечества» в 1812 году явно застала Кутузова врасплох, когда к нему с подобным предложением явился знаменитый партизан А.С. Фигнер. И произошло это событие во время пребывания французов в Москве. «Что ты, Алексей Петрович? – спросил Кутузов вошедшего Ермолова. – Все ли благополучно у нас?» [...] Пока Алексей Петрович рассказывал, Михаил Илларионович [...] начал ходить по избе, заложивши назад руки, и спросил: «Фигнер не сумасшедший ли?» [...] Продолжая ходить, Главнокомандующий, как бы рассуждая сам с собою, проговорил вслух: «На чем основаться? Ведь в Риме, во время войны между Фабрицием и Пирром, предложили однажды первому, чтобы разом покончить войну, отравить последнего, – Фабриций отослал предлагавшего это доктора как изменника к Пирру». – «Да, это было так в Риме, давно уже», – ответил Ермолов. Кутузов взглянул в окно на зарево и продолжал рассуждение вслух: «Как разрешить! Если бы я или ты стали лично драться с Наполеоном явно... Но ведь тут выходит тоже как бы явно разрешить из-за угла пустить камнем в Наполеона...»⁵¹

В беседе же с английским эмиссаром сэром Р.Т. Вильсоном Кутузов заявил: «Я вовсе не убежден, будет ли великим благодеянием для вселенной совершенное уничтожение императора Наполеона и его армии»⁵². Намекнув на алчность союзников, Светлейший даже счел уместным назвать Наполеона императором. Мысль прокрасться во вражеский стан, чтобы убить Наполеона, покарав врага Отечества, даже в тех обстоятельствах представлялась не совсем «аристократичной» с точки зрения военной чести. Явно ее высказал в апреле 1814 г. лишь М.Б. Барклай де Толли, после вступления русских войск в Париж отправивший московскому генерал-губернатору графу Ростопчину следующее письмо: «Мы в Париже; Наполеон уже более не на троне французов, но он еще в числе

⁵⁰ Записки современников о 1812 годе (граф Боволье) // Русская старина. 1893. Кн. 1. С. 24–25.

⁵¹ Родина. 2002. № 8. С. 48.

⁵² Фельдмаршал Кутузов. С. 420.

живых, и я бы желал, чтобы он уже лучше не существовал; все надеюсь, что во время его переезда найдется какой-нибудь герой, который изгладит с лица земли этого бича человечества»⁵³.

Однако для сохранения жизни низложенного императора Франции русский генерал граф П.А. Шувалов специально пересел в его карету, надел знаменитую серую шинель и отправился в путь по той самой дороге, где «узника трех монархов» поджидали убийцы! По благополучном прибытии на остров Эльба Наполеон подарил нашему генералу саблю: этот знак благодарности по сей день хранится в Государственном историческом музее. Бесспорно, «все эти люди были живая летопись прежних царствований. Они сами участвовали в делах и более или менее знали закулисные тайны придворной и государственной власти»⁵⁴.

Младшее же поколение русских офицеров было менее сдержанно в выражении своего восторга перед гением величайшего полководца всех времен: «С отплытием Наполеона к берегам Египта мы следили за подвигами нового Кесаря; мы думали его славой; его славой расцветала для нас новая жизнь. Верх желаний наших был тогда, чтобы в числе простых рядовых находиться под его знаменами. Не одни мы так думали и не одни к этому стремились. Кто от юности знакомился с героями Греции и Рима, тот был тогда Бонапартистом», – вспоминал С.Н. Глинка.

Тем не менее генерал Тучков 4-й, погибший при Бородине, признавался после своей поездки во Францию в 1804-м, что его насторожил и разочаровал факт превращения «гражданина республики» в императора Франции: «А.А. Тучков был в Париже и в трибунате в тот неисповедимый час, когда пожизненного консула избрали в императоры. Казалось, говорил он, что трибун Карно выразительную речь свою произнес под штыками Наполеона. Мрачно было лицо его, но голос его гремел небоязненно»⁵⁵.

Ф.В. Булгарин, напротив, признавал, что в Российской армии сохранилось немало поклонников французского генерала, добывшего корону острием шпаги: «С наслаждением читали мы прокламации Наполеона к его войску! Это совершенство военного красноречия! Не много таких полководцев, как Наполеон и Суворов, которые бы, подобно им, умели двигать сердцами своих подчиненных, каждый в духе своего народа»⁵⁶.

В числе наиболее пылких приверженцев основателя новой европейской династии был поэт-партизан Д.В. Давыдов. Тяжкие впечатления

⁵³ Русский архив. 1871. Кн. I. С. 167.

⁵⁴ Вяземский П.А. Мемуарные заметки // Державный Сфинкс. М., 1999. С. 399.

⁵⁵ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 230.

⁵⁶ Булгарин Ф.В. Указ. соч. С. 203.

после кровопролития при Прейсиш-Эйлау, поражения под Фридландом, позор Тильзитского мира не остановили предприимчивого офицера в его намерении во что бы то ни стало увидеть «великого человека». Князь Багратион, не испытывая теплых чувств к «узурпатору трона», тем не менее представил своему адъютанту осуществить пламенное желание, отправив Давыдова в Тильзит с донесением Государю. И вот «певец-гусар» увидел перед собой императора Франции: «Я увидел человека, державшегося прямо, без малейшего напряжения, что, впрочем, есть принадлежность всех почти людей малого роста. Но вот что было его собственностью: какая-то благородно-воинственная сановитость, происходившая, без сомнения, от привычки господствовать над людьми чувства нравственного над ними превосходства; он был не менее замечателен непринужденным и свободным обращением и безыскусственною и натуральною ловкостью в самых пылких и быстрых приемах своих, на ходу и стоя на месте»⁵⁷.

Естественно, что «война национальная» заставила русских офицеров иначе взглянуть на их недавнего кумира: «Где же высокие достоинства гения, не предусмотревшего обстоятельств и твердость мужества войск, подавшимся оным легко: когда обыкновенная случайность времени года могла задуть метелями своими и мечтательные замыслы первого, столь ошибочно Москву вожденным пределом положившего и многочисленные полки народов, называвшихся непобедимым им предводимые?..» – вопрошал Д.В. Душенкевич⁵⁸.

Вид госпиталей в Вильно, наполненных жертвами «русского похода», произвел гнетущее впечатление на многих очевидцев. Приведем запись из Дневника А.В. Чичерина: «Чувствительные души, не знающие предела благородной чуткости, последуйте за мной, побудьте со мной в течение суток среди страшных зрелищ, и вы испытаете чувства, которые можно счесть проявлением слабости. Но что я говорю! Это вы должны прийти сюда, честолюбцы, опустошающие землю, вы, чьи прихоти стоили тысячам людей, вы, кто, командуя великолепными армиями, думает только о своих победах и лаврах! И ты, гордый завоеватель, обездоливший всю Европу, ты, Наполеон, войди сюда со мной! Приди, полюбуйся на плоды дел твоих – и пусть ужасное зрелище, которое предстанет твоим глазам, будет частью возмездия за твои преступления»⁵⁹. Следующая обличающая завоевателя запись в Дневнике окончилась неожидан-

⁵⁷ Давыдов Д.В. Указ. соч. Т. I. С. 317.

⁵⁸ Душенкевич Д.В. Из моих воспоминаний от 1812-го года до 1815-го года // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 120.

⁵⁹ Дневник А.В. Чичерина. 1812–1813. М., 1966. С. 71.

но: «Наполеон стремился к славе. <...> Но я не завидую ему: что должен был он чувствовать в те минуты, когда оставался наедине со своей совестью или когда проезжал по полям, покрытым трупами тех, кто пали жертвой его честолюбия? Львов несметно богат, он швыряет деньги направо и налево, любые его прихоти мгновенно исполняются, но счастлив ли он? Если даже ему удалось заглушить свою совесть, не мучает ли его ревность?»⁶⁰

В те времена среди русских офицеров необыкновенная судьба Наполеона нередко становилась предметом обсуждений и даже сравнений, что явствует из Дневника А.В. Чичерина и красноречивого рассказа М.М. Петрова о посещении в 1814 г. резиденции Наполеона в Сен-Клу: «Один из бывших с нами адъютантов наших, немец Клуген, изумленный невообразимым богатством этой половины дворца, идя за нами, повторял шепотом товарищу своему, Татищеву: «Ах, поше мой [Ах, Боже мой!]! Ну шево он ещо катил? [Ну чего он еще хотел?]» Я, подслушав это, спросил его: «Что, Клуген, если бы у тебя этакой домишко был, ты бы, как видно, не пошел в Москву?» – «Шорт бы мини понос оттуда дуда [Чорт бы меня понес оттуда туда]». – «Лжешь – и ты бы пошел, я твое честолюбие видел [...]»⁶¹

Как ни парадоксально, но властолюбивый Наполеон был, по видимому, более понятен русским военным, чем их собственный император с его абстрактным стремлением к «всеобщему благу». По мнению Дениса Давыдова, слова «люблю всех» на деле означали «не люблю никого». После вступления русских войск в Париж ожесточение стало сменяться все более явными симпатиями к поверженному противнику. И.М. Казаков, самозабвенно обожавший Александра I, тем не менее признавался: «Я был поклонником Наполеона I, его ума и всеобъемлющих способностей, а Франция, как пустая женщина и кокетка, изменила ему, забыв его услуги, – что он, уничтожив анархию, возродил всю нацию, возвеличил и прославил ее своими удивительными победами и реорганизацией администрации, чем справедливо заслужил титул: *Le Grand Napoléon!*»⁶²

Так, С.Г. Волконский вспоминал: «Восторженный Наполеоновым бытом в истории, я возымел желание иметь полное собрание его портретов, начиная от осады Тулона до отречения в Фонтенбло и просил книгопродавца Артория мне это собрать. Но это как-то встревожило австрийскую

⁶⁰ Там же. С. 114.

⁶¹ Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку... // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 279.

⁶² Казаков И.М. Поход во Францию 1814 г. // Русская старина. 1908. Кн. 1. С. 540.

полицию, и Меттерниху был на меня донос, а он довел эти сведения до Государя, а от этого мне головомойка»⁶³.

Отношения к французам за долгие годы боевых действий развились в почти родственные чувства: «И подлинно, пусть укажут нам из всех сражавшихся с Наполеоном народов хотя на один, который бы более русского благоговел перед величием его деяний, даже в такое время, когда земля наша стонала под бременем полчищ вооруженной Европы!»⁶⁴ Благоговение, однако, порождало дух соперничества, стремление отличиться, что и привело в конечном счете, русских в Париж. А в Париже многое переменялось: после долгожданной реставрации Бурбонов выяснилось, что за годы «Наполеонова быта» от них отвыкли не только французы. Как оказалось, и русские офицеры ожидали большего! Денис Давыдов писал о настроениях в русской армии: «Мы начали разочаровываться, увидя внезапный упадок духа, обнаружившийся в французских войсках и во французской нации при первом неблагоприятном обороте войны, после первой неудачи Наполеона в России и на полях Лейпцига. Наше разочарование достигло наибольших размеров при вступлении нашем во Францию. Для нас, русских, еще так недавно испытавших вторжение многочисленного неприятеля в самые недра государства, воспрянувшего на защиту свою, малодушие французов было непостижимо. [...] Когда Наполеон с сердцем, обагренным кровью, бросился в ее объятия, призывая ее [...] на битвы, [...] она, бесстыдная, не вняв его призыву, вторично выдала его союзникам»⁶⁵.

В период «Ста дней» некоторые русские офицеры уже точно знали с кем они сердцем. Воспоминания о тех днях князя С.Г. Волконского очень красноречивы: «Я потом не раз ходил к Тюльерийскому дворцу, перед которым ежедневно толпился народ [...] Наполеон выходил на балкон в сопровождении Бертрана, этого преданного друга [...]. Прогуливаясь по бульвару, мы встречали Лабедойера, известного в эту эпоху переходом с командуемым им полком к Наполеону в Гренобле [...]. При встрече с нами он сказал: “Что скажете вы, господа, о современных обстоятельствах, народном энтузиазме к императору? Я тоже участвовал немного в этом возвращении, но я могу вас уверить, что, если император вздумает сделаться опять тираном Франции, я первый убью его”. Это я сообщаю как доказательство чистоты чувств этого лица, вскоре падшего жертвою за то, что с ним разделяла вся Франция»⁶⁶. Далее Волконский сообщает:

⁶³ Волконский С.Г. Записки. СПб., 1902. С. 333.

⁶⁴ Давыдов Д.В. Указ. соч. Т. 2. С. 129.

⁶⁵ Там же. С. 130–131.

⁶⁶ Волконский С.Г. Указ. соч. С. 361.

«Вообще все приверженцы Наполеона надевали тогда букет фиалок в бутоньерках, что сделал также и я...»

После второго отречения Наполеона горестей у русских офицеров прибавилось: «...Приговорили к смертной казни того, которого Франция и армия величала названием “храбрый из храбрых”... Невольно выскажу, что непонятно мне, как нашлись французские солдаты, которые могли согласиться стрелять в того, который столь часто водил их к победам?»⁶⁷ Русские офицеры посещали судебные процессы над маршалом Неем и полковником Лабедуайером, открыто выражая им свое сочувствие. Они надеялись, что вмешательство царя предотвратит исполнение смертного приговора над соратниками Наполеона. Но Александр I велел передать кн. Волконскому, что за приверженность к Наполеону он будет расстреливать.

Но чего, собственно, добивался русский император от своих офицеров после того, как на обеде у генерала А. Коленкура, чтобы досадить неблагодарным Бурбонам, сам вручил маршалу Нею Рескрипт, признавший за ним титул князя Москворецкого? Царя не могло не тревожить сочувствие русских офицеров к Наполеону, явно преобладавшее над их привязанностью к союзникам – англичанам, австрийцам, пруссакам. Александр I постоянно «подмешивал» в диалог между русской армией и Наполеоном третьи лица – союзников, но в этом вопросе мнения монарха и его «детей», как он называл офицеров, не совпадали: в армии недолюбливали австрийцев со времен последних походов Суворова 1799 г., пруссаков не любили за нерешительность, англичан подозревали в корысти. С 1815 г. появилась еще одна причина для отчуждения – ревность: победив Наполеона при Ватерлоо, уже не русские, а другие войска вступали победителями в Париж.

Но разве «дети Марса» из России могли так просто отказаться от общего прошлого, которое уже стало достоянием полковых историй?! Так, Ф.В. Булгарин вспоминал об одной из самых трагических страниц в летописи полка, относящихся к «потерянной» кампании 1805 года: «По возвращении гвардейского корпуса из-под Аустерлица в Петербург вся столица встречала его. [...] Кавалергарды, Конная гвардия и лейб-казаки отчаянными атаками спасли гвардейскую пехоту, но зато Кавалергардский полк был истреблен почти наполовину»⁶⁸. Легендарное событие, волновавшее умы спустя десятилетия, запечатлено и на страницах романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: «Это была та блестящая атака ка-

⁶⁷ Там же. С. 381–382.

⁶⁸ Булгарин Ф.В. Записки. С. 181.

валергардов, которой удивлялись сами французы. Ростову было страшно слышать потом, что из всей этой массы огромных красавцев людей, из всех этих блестящих, на тысячных лошадях, богачей, юношей, офицеров и юнкеров, проскакавших мимо его, после атаки осталось только осемнадцать человек»⁶⁹. После окончания Аустерлицкой битвы Наполеон захотел увидеть пленных русских офицеров, в числе которых были и кавалергарды. Император Франции обратился к князю Н.Г. Репнину-Волконскому (брат С.Г. Волконского), получившему в битве рану пулей в голову и контузию картечью в грудь: «Вы командир Кавалергардского полка Императора Александра?» – «Я командовал эскадроном». – «Ваш полк честно исполнил свой долг». – «Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату». – «С удовольствием отдаю ее вам». Затем Наполеон обратил внимание на юного П.П. Сухтелена (в 1812 г. – подполковник), по словам Л.Н. Толстого, «девятнадцатилетнего мальчика, тоже раненого кавалергардского офицера». Однако великий писатель ошибся: в 1805 г. корнету Сухтелену было даже не девятнадцать, а семнадцать лет, то есть он действительно, выглядел ребенком. «Молод же он сунулся биться с нами», – сказал Наполеон. «Молодость не мешает быть храбрым», – ответил «мальчик», раненный сабельным ударом в голову и контуженный ядром в ногу. Наполеон ответил Сухтелену: «Прекрасный ответ, молодой человек, вы далеко пойдете». Император Франции спросил у поручика Е.В. Давыдова [брат Д.В. Давыдова]: «Сколько ран?» – «Семь, Ваше Величество». – «Столько же знаков чести».

Для многих русских офицеров, прошедших с боями до Парижа, мир как будто опустел со смертью Наполеона. «Воспоминания о подробностях той эпохи имеют для участвовавших в ней прелесть непреодолимую», – признавался А.А. Щербинин⁷⁰. В России, как и во Франции, после смерти Наполеона доживали свой век, независимо от возраста, ветераны, пережившие свое время. При жизни Наполеона они жили настоящим, после него – прошлым. Дневники, мемуары, стихи полны ностальгических переживаний о прошлом при отсутствии ярких перспектив в будущем: «ходить из дома в дом, выигрывать деньги, слушать и молоть бессмысленный вздор и вздыхать возле немых красавиц значило посвятить себя праздности...»⁷¹ Денис Давыдов сокрушался: «Склоняюсь главой у плуга,/ Завидую костям соратника иль друга...» Победители щедро воздавали должное своему противнику, не поминая с гневом о сожженном

⁶⁹ Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1983. Т. 1–2. С. 314.

⁷⁰ Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1903. Вып. 1. С. 51.

⁷¹ Радожницкий И.Т. Указ соч. С. 373.

Смоленске, о пожаре Москвы. «Подвиги Императора Франции Наполеона Бонапарта и военная его слава есть чрезвычайное происшествие в мире! По невеликому его происхождению, не будучи предопределен по природе царствовать, он в воспитании своем видел одну только военную славу, и так все его способности получили развитие искусного полководца», – так судил о Наполеоне Г.П. Мешетич⁷². Стиль и подробности повествования позволяют проследить путь от мемуаров к синхронному источнику, в свое время привлекавшему внимание читателей живым и ярким рассказом о поворотах судьбы «неведомого корсиканца»⁷³. Анонимный автор, представившись переводчиком с немецкого языка рассуждал: «Надобно себе представить, что тот, кто властвует ныне над государствами и народами, за десять лет пред сим командовал батареею, а за пять был простым генералом. В самом деле, между скипетром Монарха и мечом генерала находится великое расстояние. [...] сверх того воспитание Бонапарте было только военное; и так, какой человек, как бы ни были велики природные его способности, начав на тридцатом году жизни своей учиться военной науке, или науке государственного правления, может равно отличать себя и в поле и в кабинете?»⁷⁴

Его собрату по оружию И.Т. Радужицкому таланты ушедшего из жизни императора Франции представлялись более широко: «Каков был Наполеон, о том все знают и много писали. Большая часть черни-писателей бранили его без милосердия и лаяли, как Крылова моська на слона; между тем полководцы, министры и законодатели парламента перенимали от него систему войны, политики и даже форму государственного управления. Он был врагом всех наций Европы, стремясь поработить их своему самодержавию, но он был гений войны и политики: гению подражали, а врага ненавидели. Слава подвигов Наполеона заставила забыть о корсиканце. Устрашенная Европа взирала с трепетом на великого Императора французов»⁷⁵. По прошествии лет Радужицкий уже не упрекает Наполеона ни в безмерном честолюбии, ни в «династическом безумии». Напротив, стремления императора Франции стали представляться умеренными и понятными: «Сразив последние усилия Германии, он мог бы, казалось, стереть с лица Европы престолы некоторых держав, но победитель предпочел лучше облагородить свое племя вступлением в родство

⁷² Мешетич Г.П. Исторические записки войны россиян с французами... // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. С. 39–40.

⁷³ Тайная история нынешнего французского дома в письмах, писанных в продолжении Августа, Сентября и Октября месяцев 1805 года. СПб., 1807.

⁷⁴ Там же. С. 2–3.

⁷⁵ Радужицкий И.Т. Указ. соч. Ч. 1. С. 13–14.

с древнейшею династиею императоров Германии. Завоевать у сильного царя дочь было всегда целию героев в романах и сказках. Наполеон исполнил это и к своему роману прибавил новую статью: посадил младенца на престол Римских цезарей и назначил ему в наследство – мечту обладания миром».

Г.П. Мешетич к тому времени уже не сомневался в том, что все беды происходили в Европе по вине... союзников: «Но покоривши оных, не желал их ожесточать лишением престолов; остался доволен одним их повиновением, считая, что в знак благодарности останутся ему верными: но это была большая ошибка его!» Одним словом, «владычество Наполеона во Франции, особенно последние годы его жизни, столько знамениты, что влекут за собою в некоторую известность даже тех людей, которые более или менее участвовали во всеобщей борьбе народов всей Европы против его единовластия»⁷⁶.

Можно сделать вывод, что традиция почитания Наполеона в России оформилась уже в ходе войн между Россией и Францией. Неподвластными ей оставались офицеры старшего поколения, чья служба началась в «самом оптимистическом веке» русской истории при Екатерине II. Так как у истоков этой традиции стояли офицеры русской армии, нет ничего удивительного, что они сочувственно восприняли «наполеоновскую легенду» и даже нашли в ней свою почетную нишу. Эта «амбивалентность в отношении Наполеона» из их писем, дневников, мемуаров затем перекочевала в историографию. А.В. Гордон даже назвал это явление «потребностью общества в культивировании исторической памяти»⁷⁷.

⁷⁶ Там же. С. 1.

⁷⁷ Гордон А.В. Указ. соч. С. 373.